

ИЗЪ ЗАМЪТОКЪ ПРОЪЗЖАГО.

«Не одна во полѣ дорожка пролегла, —
Частымъ ельничкомъ, мелкимъ березничкомъ
Да горькимъ осинничкомъ она заростала....»
РУССКАЯ ПѢСНЯ.

III.

.... Къ ночи пріѣхалъ я въ Перекопъ. Зѣвающій смотритель совѣтовалъ мнѣ ночевать здѣсь: «дорога, степь, темень, — извольте видѣть, — гораздо лучше спать; да и лошадей нѣтъ». Надо было принять совѣтъ недоспавшаго человѣка.

Русскіе, козаки и Поляки перепменовали древній Тафръ—въ Перекопъ, *Prszekop*, съ того времени, когда ханъ Сагипъ-Гирей (1551 года), увеличивъ укрѣпленіе, построенное въ 1515 году, для защиты полуострова отъ вторженія неспокойныхъ сосѣдей, прокопалъ отъ крѣпости въ обѣ стороны до моря ровъ. Сосѣди прозвали хановъ—Перекопскими, а землеописатели весь Крымъ наименовали *Tartaria Precopensis*. Олеарій, между прочимъ, рассказываетъ о перекопскихъ дѣвицахъ, продаваемыхъ очень выгодно въ Астрахани. Разумѣется, Перекопъ служилъ только складомъ, депо этого прекраснаго товара, который хищники пріобрѣтали съ береговъ Дона, Днѣпра, Буга и проч. Подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ, на Волынѣ, до нынѣ возвышается

«*mogila siedmiuset panien*» — могила семисотъ дѣвицъ, забранныхъ Татарами по весямъ и городамъ Украины, Подоли и Волыни, разореннымъ до гла; встрѣченные подъ Берестечкомъ знаменитыми вождями Польши Иереміемъ Вишневецкимъ и Стефаномъ Чарнецкимъ и разбитые ими наголову, Татары бѣжали, оставивъ свой обозъ и въ немъ семьсотъ свѣжихъ труповъ красавицъ. Самъ по себѣ, Перекопъ обанкрутился бы въ этой торговлѣ: онъ замѣчательнъ скорѣе безобразіемъ своихъ женщинъ.

На зорѣ я отправился въ путь. Нечего говорить объ утомительности степныхъ дорогъ: онѣ наводятъ дремоту, въ родѣ тосливаго сна, предшествующаго кошмару. Глазамъ больно глядѣть на безконечную, гладкую, какъ плацъ-парадъ, плоскость. Тоска неодолимая; ни деревца, ни кустика. Генералъ, котораго дивизія провела здѣсь почти годъ, совершенно правъ, описывая нашей общей съ нимъ знакомой дамѣ это мѣстоположеніе слѣдующими словами: «Гнуснѣйшее мѣстоположеніе, ни малѣйшей тѣни, — даже челоуѣка нечѣмъ высѣчь». Я тоже не замѣтилъ ни прутка до самыхъ Айбаръ; за то въ саду г. Козмипа, у самой Айбарской станціи, можно отвести душу. Этотъ бѣдный образчикъ роскошныхъ южноберегскихъ садовъ отраденъ проѣзжающему какъ оазисъ. Далѣе опять таже голая степь.

Въ Трехъ-Абламахъ дали мнѣ русскаго ямщика; онъ оказался Калужской губерніи: «ходить по оброку, получаетъ три рубля въ мѣсяцъ, платитъ барину двадцать рублей въ годъ.» Затѣмъ остается шестнадцать рублей; «а сапоги, рубаха, порты — все свое, а не хозяйское.»

Я спросилъ, что его занесло сюда.

— Не при чемъ жить дома, земли мало.

— А какъ думаешь, здѣсь въ степи можно бы разжиться на хозяйствѣ?

— Ай, ай, баринъ! какъ неразжиться бы, коли тутъ просо, гляди, — лучше нашихъ житовъ!

Въ самомъ дѣлѣ, мѣстами попадались намъ превосходные посѣвы; почва степи видимо плодородная. Но вообще жизнь и хозяйство степнаго Татарина дикое, и онъ самъ смотритъ не умнѣе своего барана. Поэтому, здѣсь охотно принимаютъ на службу русскаго мужичка; — куда, подумаешь, не занесетъ его удалъ и безземелье!

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сарабузъ, послѣдней станціи къ Симферополю, показался на горизонтѣ Чатырь-дагъ или Шатырь-дагъ, «Палатъ гора», какъ называютъ ее Татары по формѣ ея, напоминающей шатеръ.

Какъ постоянный житель сѣвера, привыкшій видѣть предметы на благородномъ разстояніи, — а иногда и въ пяти шагахъ ничего, кромѣ тумана, невидѣть, — я былъ изумленъ прозрачностью южнаго воздуха: на свѣтломъ небѣ обрисовалась знаменитая гора такъ отчетливо, что кустарники на ней, обсыпавшіяся крутизны, обнаженные скалы — все какъ нельзя лучше было видно невооруженному глазу въ сорока или пятидесяти верстахъ.

За Сарабузомъ, съ Салгирской долины пропадаетъ тупое обаяніе степи, и утомленія какъ не бывало: холмы, живописные берега Салгира, сады, деревни освѣжаютъ усталое зрѣніе; но надо признаться, что и это удовольствіе ощущается какъ-то смутно, неясно; такова сила привычки. Глазъ всегдашняго городского жителя близорукъ, — постоянно раздражаемый и развлекаемый всевозможной пестротой, глазъ, которому, куда ни взглянетъ, вездѣ что нибудь мерцаетъ и снуетъ передъ нимъ, — этотъ глазъ пріобрѣтаетъ, наконецъ, такую исключительную зоркость, которая въ мигъ и вѣрно схватывая красоты стриженной ален, промчавшагося экипажа, — становится окончательно тупою передъ громаднымъ пейзажемъ природы. Привыкнувъ постоянно обозрѣвать окрестности своего носа, и вдругъ очутившись на просторѣ, ничего не увидишь далѣе своего носа: половинна путешественниковъ съ статистическими и инспекторскими цѣлями — оправдываетъ эту истину. Я думаю, что даже то прозорливое око, которое, по увѣренію жениха-майора (*), на смотру углядѣло изъ далека

«У каналъи, у одной,
Въ пятомъ ввводѣ, подъ сумой,
Съ табакомъ кисеть проклятый....»

даже это художественно выработанное око, выведенное въ чистое поле, очень можетъ потеряться въ непривычномъ про-

(*) Прелогъ къ картинѣ Федотова «Сватовство майора».

странствѣ, чему и были печальные примѣры. А все—чудовище привычка.

Съ перекопской заставы Симферополь не очень живописенъ, а вообще мѣстоположеніе его недурно. Городъ имѣетъ до 16,000 жителей; христіанская часть его построена въ новомъ, европейскомъ вкусѣ, а татарская, съ узкими, кривыми закоулками и множествомъ минаретовъ, сохранила свой старый характеръ. Симферополь, по татарски Акъ-Мечеть (бѣлая мечеть), въ древности назывался Неаполемъ; въ 1736 году въ немъ было до 1,800 домовъ, превращенныхъ въ пепель генераль-майоромъ Бирномъ при взятіи его.

Я пріѣхалъ въ Симферополь въ началѣ іюля, располагая осмотрѣть, между дѣла, сперва южный берегъ, покупаться въ Юрзуфѣ, и потомъ далѣе проѣхать по восточному берегу. Мнѣ надо было начать свои работы съ Коушскаго лѣса, въ Бакчисарайскомъ уѣздѣ, и потому, немедля, я отправился въ Бакчисарай.

Видъ этого опустѣвшаго гнѣзда хищныхъ хановъ невольно переноситъ воображеніе въ безалаберную эпоху драки и сладострастія: нельзя было выбрать лучшаго и болѣе безопаснаго уголка для гаремовъ одолискъ и казармъ джигитовъ. Въ этомъ прелестномъ ущельи, защищенномъ неприступными стѣнами скалъ, удобнѣе всего воспитывался духъ нѣги и хищничества.

Бакчисарай славится свѣтлой, легкой и чистой водой; но природа всегда вѣрна своей расчетливости; если нѣтъ воды, лучше источника бакчисарайскими горами, за то едва ли найдется гдѣ нибудь рѣчка хуже Чурукъ-су (гнилая вода), пробѣгающей черезъ весь городъ, — Карповка и Черная рѣчка въ канникулярные жары не такъ смрадны.

Дворецъ бакчисарайскій —премилая игрушка; онъ какъ будто составленъ изъ сплоченныхъ между собою дѣтнихъ бесѣдокъ: немножко камня, цвѣтныя стекла, доски, лучинки и уморительная живопись — все расположено замысловато, легко, граціозно и очень наивно. Изящнѣйшая современная постройка уничтожила бы всю прелесть цѣлаго Бакчисарая.

Въ Бакчисараѣ я отдохнулъ по азіатски отъ трудовъ дальней дороги. Подъ балкономъ моей квартиры зеленѣлъ густой садъ, виноградникъ, обвиваясь по столбамъ балкона, раскинулся

надъ нимъ роскошнымъ навѣсомъ изъ листьевъ и гроздій. Въ темномъ углу сада, грубо высѣченная изъ камня лѣстница вела къ фонтану, то есть, къ бѣгущей изъ камня струѣ; съ большимъ удовольствіемъ можно было выпивать этой воды 7—8 стакановъ на-тощакъ, такъ она хороша и легка.

Изъ Бакчисарая отправился я въ Коушъ; дорогъ внутри полуострова немного, ихъ замѣняютъ русла рѣкъ и рѣчекъ, сухія почти цѣлыхъ девять мѣсяцевъ въ году. Команда наша состояла изъ пяти человекъ, мы ѣхали верхами, по такимъ крутизнамъ, что съ непривычки голова кружилась. Иосафатова и Качская долины невообразимо прекрасны. Здѣсь проѣхали мы черезъ русскую деревню, населенную съ давнихъ поръ. Удивительна способность нашего мужичка—съ какими угодно волками завять по волчьи: вся деревня, отъ ползающихъ ребятишекъ до сѣдаго старья, отатарилась такъ, что съ разу и распознать нельзя, что это за люди. Нѣмцы-колонисты внесли въ Крымъ все свое и ничего, кромѣ необходимаго, не заняли у туземцевъ,—они самостоятельно примѣнились къ мѣстнымъ требованіямъ; тутъ же поселился нашъ мужичокъ: кромѣ бороды, ничего своего у него неосталось неизмѣненнымъ.

Осмотрѣвъ Коушской лѣсъ и распорядясь будущими работами, я вернулся въ Бакчисарай и черезъ живописную Бельбекскую долину, черезъ прекрасныя низовья Качи, проѣхалъ въ Севастополь.

Безпрестанное крейсированіе англійскихъ пароходовъ въ виду крѣпости не производило никакого отчетливаго вліянія на умы нашего гарнизона. Вѣра въ штыки наши обаяла всю военную часть населенія; правда, обаяніе это не сообщалось сословію мирныхъ жителей: между ними носились неясныя слухи о предстоящей блокадѣ крѣпости и кое-какое опасеніе; женщины были, по обычаю прекрасныхъ, на сторонѣ смѣлыхъ и невѣрили посѣщенію западныхъ гостей.

Я навѣстилъ кое-кого изъ старыхъ монаховъ сослуживцевъ въ Мамадашскомъ (или Мамалашъ, непомню) лагерѣ на Сѣверной сторонѣ крѣпости. Тамъ расположеніе умовъ также не выходило изъ обычной колеи всѣхъ лагерныхъ стоянокъ; при рѣчи о высадкѣ непріятеля слышались возгласы: «о если бы, да кабы! да они не дураки — не полѣзутъ, какъ куръ въ-щи!»

Въ самомъ дѣлѣ, грозныя батареи крѣпостныхъ стѣнъ зорко глядѣли своими амбразурами, какъ тысячью глазами, въ море.

Но проѣзжая чрезъ южную сторону крѣпости въ Балаклаву, я ничего не замѣтилъ, кромѣ урывковъ двухъ трехъ стѣнокъ. Съ этой стороны Севастополь былъ обнаженъ; онъ напоминалъ собою Минерву въ шлемѣ и въ панцырѣ, однако въ юбкѣ, и плохо защищенную именно съ слабой стороны всѣхъ богинь.

Раньше Балаклавы открываются ея живописныя горы, съ развалинами генуэзскихъ укрѣпленій. Потомъ городокъ, похожій на деревню, на берегу «узкоустаго», какъ называлъ его Страбонъ, залива. Въ этомъ городѣ перебивали по очереди Скифы, Греки, Генуэзцы, Турки, Татары; назывался онъ по очереди Палакюнъ, Символонъ, Чембало, Сетваче. Узкоустый заливъ, съ виду надежная гавань развѣ для рыбацкихъ лодокъ и катеровъ, по промѣру оказался довольно удобною гаванью.

За Балаклавой, по обѣ стороны дороги, виднѣются хутора и виноградники, большею частию принадлежащія балаклавскимъ Грекамъ; потомъ греческая деревня Комары и, наконецъ, передъ глазами разстилается знаменитая Байдарская долина. Палласъ считаетъ ее обширнѣйшею и прекраснѣйшею изъ всѣхъ долинъ Кавказа и Крыма; дѣйствительно, она обширна (16 верстъ длины и 8 ширины) и грандіозно обставлена правильной цѣпью горъ; по мнѣ, однако же, Качская, Иосафатова и даже Бельбекская долины едва ли уступаютъ ей красотой.

Но никакой пейзажъ не можетъ быть поразительнѣе открывающагося при выѣздѣ изъ Байдарскихъ воротъ: передъ вами, налѣво, гигантскіе сѣрые утесы; какъ волшебный замокъ, высится надъ ними скала Ай-Петръ; подъ ногами, тропическій темный садъ и яркозеленыя виноградники; паправо — море. Долго неопомнишься, глядя въ эту чудную пропасть; казалось бы, что смотришь въ стекло волшебной діорамы, но восхищеніе слишкомъ ощутительно, глаза васъ не обманываютъ, — вы видите природу.

Отъ Байдарскихъ воротъ зигзагомъ вѣтся шоссе черезъ Кикнеизъ, Симеизъ, и приводитъ въ пресловутую Алупку. Здѣсь остановился я съ моимъ обязательнымъ проводникомъ, Грекомъ, знакомымъ какъ нельзя лучше со всѣми углами Крыма. Садъ дѣйствительно баснословно роскошенъ: кромѣ разнообразія тропическихъ растений, оклиматизированныхъ здѣсь (напримѣръ маг-

нолія, въ руку толщины, растеть въ грунтѣ), кромѣ рошѣ кипариса, мирта и лавра, дубовъ, обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ,—здѣсь много работы искусства и быть можетъ избытокъ ея мѣшаетъ чистому, спокойному наслажденію природой, для которой тутъ нужна менѣе изысканная и болѣе осторожная помощь рутинной эстетики. Не всѣмъ красавицамъ нужны блонды и букеты, и южно-бережскому пейзажу не надо много украшеній. Прекрасный дворецъ Алупки не производитъ особенно пріятнаго впечатлѣнія; не смотря на свой полуазиатскій стиль, онъ все-таки похожъ на серьезнаго лорда въ регалияхъ, на праздникѣ Нимфъ и Сатировъ.

Въ Алупкѣ есть гостинница съ французомъ метръ д'отелемъ и человекъ пять Англичанъ, профессирующихъ по разнымъ отраслямъ утилитарнаго искусства.

На другой день моего пріѣзда, во время послѣобѣденнаго кейфа, когда все Алупское общество наслаждалось на балконѣ отеля морскимъ видомъ, фруктами, виномъ и бесѣдой на языкахъ чуть что не всей Европы, явился къ намъ молодой офицеръ, кажется штурманъ, и сообщилъ любопытную новость: онъ былъ на берегу по своему дѣлу (кажется, онъ былъ откомандированъ для добытія изъ моря машины разбившагося здѣсь, года за два предъ тѣмъ, казеннаго парохода); въ это время показался военный пароходъ подъ англійскимъ флагомъ, оттуда какой-то господинъ привѣтствовалъ штурмана чистымъ русскимъ языкомъ; штурманъ отвѣчалъ такимъ же привѣтствіемъ... «Мы скоро будемъ къ вамъ въ гости, г. офицеръ!» кричали ему. «Милости просимъ, у насъ все готово къ приему!» отвѣчалъ штурманъ, немножко смѣло взявъ на свою совѣсть рискъ такого приглашенія. Впрочемъ, почему знаешь, чего не знаешь?

Извѣстіе, сообщенное штурманомъ, было принято почти всѣмъ обществомъ точно также, какъ принимаются петербургской публикой ежегодныя осеннія пророчества о имѣющемъ быть наводеніи.

Въ Алупкѣ я ночевалъ въ саклѣ Татарина. Сосѣдъ его, владѣющій 25—30 квадратными саженьями земли, оплачиваетъ всѣ свои подати и чинши однимъ деревомъ грецкаго орѣха: оно даетъ до 25 тысячъ орѣховъ, продающихся русскимъ скупщикамъ по 1 руб. сер. тысяча. Это благодатное дерево, да десятокъ барановъ въ горахъ, въ общественной отарѣ, составляютъ

всю его годовую заботу; дня два-три сборъ орѣховъ, да дня два стрижка овецъ, затѣмъ остальные 360 дней препровождаются въ сидѣнїи на корточкахъ по способу мелкихъ обезьянъ, въ крошенїи и безконечномъ куренїи табаку и безпрестанныхъ омовенїяхъ. Инжиръ, винная ягода, кустовъ пять винограда, миндаль, и двѣ маслины, — этого хватаетъ на годовое продовольствїе всей татарской семьи.

Вообще, этотъ народъ, впрочемъ, не недаренный способностями, живо тлѣетъ отъ бездѣйствїя, и еслибъ не безпрестанныя омовенїя и не горячія горныя лошади, требующїя моціона, то онъ подгнилъ бы безвозвратно.

Понятенъ интересъ, внушившїй неприкосновенность, напримѣръ, зубровъ, отжившихъ повсемѣстно, кромѣ Бѣловѣжской Пуши; да и тамъ разныя утилитарныя цѣли ничуть не щадятъ этихъ лѣсныхъ красавцевъ. Но отчего бы не позаботиться о преобразованїи дряблой, умирающей національности этихъ людей, которыхъ очень легко убѣдить, что свѣтъ стоитъ не на рогахъ священнаго быка, какъ они думаютъ — и сами сомнѣваются:—да такъ ли полно?

За Алупкой все тѣ же живописныя картины: Мисхоръ, Гаспра, Оріадны; дворецъ нижней Оріадны прекрасенъ и не давитъ собой окрестнаго пейзажа, какъ въ Алупкѣ. Далѣе: Левадія, одинъ изъ самыхъ прелестнѣйшихъ уголковъ Крыма, и наконецъ Ялта, еще не заселившїйся порядкомъ, хорошенькій городокъ, въ особенности замѣчательный своими живописными окрестностями, водопадомъ Учаръ-су и слѣдами древностей въ деревняхъ Дерекоя и Аутки. Въ тѣ минуты, когда въ отелѣ *Ville d'Odessa*, проворный половой Ярославецъ вотще разводилъ пальцами и придумывалъ, чтобы такое мнѣ можно было съѣсть, за исключенїемъ хлѣба, невозможность приобрѣтенїя котораго была уже рѣшена, — въ тѣ печальныя минуты явился запыленный Татаринъ и вручилъ мнѣ депешу: извѣщалось о произведенной союзниками высадкѣ въ Кантуганъ. Я вытребовалъ лошадей и порѣшилъ кратчайшимъ путемъ, черезъ Яйлу, отправиться въ Симферополь. Вѣчно да будетъ спасибо тому писарю, который уступилъ мнѣ «всего за два рублика», какъ онъ выразился, свою миску баклашанъ (помдоровъ) съ запахомъ баранины. Въ 4 часа пополудни я былъ въ сѣдлѣ; Татары совѣтовали дожидаться четырехъ часовъ утра, но я настоялъ на своемъ. Въ минуту отправ-

ленія догналъ меня мой спутникъ—переводчикъ, оставшійся зачѣмъ—то въ Левадіи, и подтвердилъ основательность татарскихъ совѣтовъ: «полночь застанетъ насъ на самой вершинѣ Яйлы—и это не безопасно», говорилъ онъ. Послѣ такого аргумента уже нельзя было и колебаться: что же можетъ быть интереснѣе дорожной опасности въ наше время? Это кладъ, за которымъ ѣздятъ за моря. Теперь всѣ ужасы и эффекты опасностей переведены изъ вертеповъ, горъ и степей въ кабинеты и комитеты: компанія на акціяхъ, откупъ, литературное общество,—тутъ васъ могутъ зарѣзать, разбить, обобрать, похоронить языкомъ, перомъ, буквами, цифрами; вы можете свернуть себѣ шею десять разъ въ годъ, обанкрутиться, попасть подъ какой нибудь судъ и, пожалуй, въ тюрьму. Но что это за опасности? Изъ банкротовъ образуются банкиры, изъ арестантовъ — герои. Ыдемъ, ѣдемъ! Поѣхали.

Однако, подниматься на Яйлу лѣсомъ, по тропинкѣ, ползущей зигзагомъ, чуть что не по отвѣснымъ обрывамъ; десять разъ удаляться отъ какого нибудь камня или выросшаго изъ расщелины скалы дерева, для того, чтобы столько же разъ возвращаться къ нему, только на сажень повыше, и такимъ подобіемъ минуэта или экосеза выигрывать сажень за саженью пути,—тоже преутомительная операція. Только послѣ семи часовъ этого Сизифова труда, мы очутились въ облакахъ, на гребнѣ Яйлы; мелкій дождь, рѣзкій вѣтеръ и совершенная темень пособили нашему сюрюджи, то есть проводнику, сбиться съ дороги; онъ объявилъ, что она потеряна окончательно. Холодъ и голодъ давали себя чувствовать; съ другой стороны—двухчасовая напрасная попытка отыскать дорогу измучила лошадей; не оставалось сомнѣнія въ опасности промокнуть до нитки, окоченѣть до костей и скрежетать голодными зубами. Въ саквахъ, правда, была у меня сушеная рыба кефаль, виноградъ, чай и сахаръ; но кефаль имѣлъ вкусъ голой соли, и безъ хлѣба былъ несъѣдобенъ, виноградъ тоже плохое утѣшеніе, а чай и сахаръ въ мѣшкѣ—мертвый капиталъ.

Мы были близки къ отчаянью, какъ вдругъ послышался собачій лай. Мы поскакали къ желанному лаю; это была пасущаяся отара барановъ. Съ десятокъ церберовъ ослиной величины бросались чуть что не на сѣдла къ намъ, но потребность ѣды безстрашна — съ оборванными лапами, не обращая вниманія на свирѣпую стаю, мы искали пастуховъ; насилу докликались

ихъ. Они спали въ каменной будкѣ, какихъ много по всему хребту Яйлы. Спѣшившись и разведя огонь, мы просили хлѣба, — его-то и не было ни у кого; по неотступнымъ просьбамъ и щедрымъ предложеніямъ звонкой монеты, одинъ старый пастухъ вызвался испечь котлому — татарскій хлѣбъ. Онъ принесъ въ долбленомъ полѣнѣ воды, замѣшалъ въ ней пальцемъ пригоршню муки, поставилъ на огонь плоскій котелокъ на ножкахъ, кинулъ въ него добытый изъ кармана кусокъ какой-то грязной рѣзины, — это было сушеное баранье сало, — и такимъ образомъ испекъ блинъ, который мнѣ и разсмотрѣть не удалось, такъ скоро исчезъ онъ, разорванный вдругъ десятью руками, въ томъ числѣ и двумя моими. Второй и третій блины, уничтоженные съ кефаломъ и виноградомъ, вода изъ полѣна — подкрѣпили насъ для дальнѣйшаго пути; именно на немъ и начались пророченныя мнѣ опасности.

Мы были выведены на дорогу и въ глубокой темнотѣ стали спускаться съ Яйлы. Во-первыхъ, лошадь подо мной приняла такое положеніе, какого я не видалъ и въ циркѣ знаменитаго Ренца въ Варшавѣ: уставая почти торчмя головой внизъ, она только изрѣдка переступала, а то съѣзжала на задъ, какъ баба съ печки, или поворачивалась бокомъ и кошкой скользила вмѣстѣ съ осыпающейся землей и камнями. Поводья ни къ чему не служили, передъ носомъ ровно ничего не было видно; почти лежа спиной на крупѣ лошади, я творилъ молитву; два часа такого удовольствія произвели во мнѣ замѣчательную испарину. Наконецъ стало свѣтать: освѣщенная опасность немногимъ была сноснѣе темной, достаточно было одного невѣрнаго шага моей умной и кровной кобылы, и мы съ нею полетѣли бы въ пропасть; въ глазахъ мутилось отъ взгляда внизъ. Къ довершенію удовольствія, вдругъ послышалось ржаніе и топотъ: во весь опоръ неся на меня цѣлый табунъ; одна лошадь изъ него, оступившись, полетѣла сажень на двадцать внизъ кубаремъ; штукъ десять рьяныхъ жеребцовъ окружили меня и, несмотря на взмахи нагайки, отворачивая морды, лѣзли прямо на меня. Надо было дѣйствовать рѣшительно, — я слетѣлъ съ лошади въ первый встрѣчный кустъ. Съ великимъ трудомъ мы отбились и разогнали табунъ; голосъ Татарина дѣйствовалъ на лошадей видимо сильнѣе всѣхъ демонстрацій плетью и даже коломъ, который я приобрѣлъ, ставъ твердой ногой на землю.

Наконецъ—то, мимо густыхъ чаиръ (лѣсныхъ садовъ) спустились мы въ долину; солнце было въ полномъ блескѣ, за кудрявыми садами сверкали, какъ амарантовыя, черепичныя крыши бѣлыхъ саклей, раины точно безчисленные минареты взбѣгали межъ ними; утро было восхитительно. Но намъ было не до того; истомленные и мучимые жаждою, мы спѣшили воспользоваться татарскимъ гостепріимствомъ. Соль кефала жгла внутренность; намъ принесли въ мѣдномъ, красивомъ, этрусской формы, кувшинѣ кипятку, крошечныя чашечки и, разумѣется, соленого перцу, безъ котораго Татаринъ непонимаетъ угощенія; хозяинъ притащилъ одѣяла и войлоки, сваленныя, кажется, изъ верблюжей шерсти, какъ будто пополамъ съ блохами, и мы уснули именно такъ, какъ пророчилъ мой спутникъ: «хоть ремень вырѣжь изъ спины—неуслышишь».

Пока мы спимъ, можно бросить бѣглый взглядъ вообще на состояніе страны и ея жителей.

О Крымѣ писано у насъ очень мало; но еслибы хотя то, что написано, было болѣе обобщено, то все же составилось бы въ обществѣ приблизительно вѣрное понятіе объ этой прекрасной странѣ, съ которою только война нѣсколько познакомила насъ. Историческіе труды Сумарокова, Богуша-Сестренцевича и Кеппена извѣстны очень немногимъ, между тѣмъ до сихъ поръ не было у насъ лучшей карты Южнаго Крыма, какъ карта Кеппена. Войска, прибывавшія въ 1854 — 1855 годахъ на защиту этого края, не могли похвалиться запасомъ даже необходимыхъ географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о странѣ. Въ то время серьезныя люди искали всюду этихъ свѣдѣній, но, напримѣръ, во всемъ Симферополѣ оказалась только одна, случайно завезенная, карта Кеппена и то безъ принадлежащей къ ней книги «Крымскій Сборникъ», а у меня была книга безъ карты; карта эта была одолжена на время мнѣ. Генералъ Соймоновъ чрезъ своего адъютанта просилъ уступить ее ему, а я могъ только просить адъютанта обратиться къ владѣльцу ея, но карта была уже обѣщана другому. Специалисты, знающіе Инкерманское дѣло и карту Кеппена, на которой отчетливо и вѣрно обозначены всѣ балки и горы, могутъ судить, въ какой степени была бы полезна она достойному генералу. Другая карта Крыма, бывшая у меня, составлена специалистами Лѣснаго вѣдомства; она могла бы быть полезна намъ развѣ только въ рукахъ непріятеля:

это—руководство блужденія въ горахъ, поляхъ и лѣсахъ; начерчена она, по обыкновенію безъ нужды съ претензіей на отчаянную швабскую точность. Къ счастью, этой дрянью дорожили такъ, что войска не могли никакъ пріобрѣсти ее.

Еслибъ не имена мѣсть, то пожалуй, ориентируясь этой картой, можно было ходить все равно по Крыму или по Лапландіи или хоть по лунѣ, съ одинаковымъ удобствомъ.

Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, въ особенности о странѣ, служащей театромъ войны, тоже были бы не излишни; напримеръ, прочитавъ Кеппена или Сестренцевича, мы по крайней мѣрѣ неизумлялись бы высадкѣ союзниковъ, какъ безпримѣрному въ лѣтописяхъ дерзкому предпріятію, въ виду того самаго моря, по которому тысячу слишкомъ лѣтъ назадъ приплыло изъ Византіи на судахъ сто тысячъ войска къ тѣмъ же Херсонской, Камышевской и Балаклавской бухтамъ.

Вообще исторія въ одномъ только случаѣ можетъ казаться избыткомъ, роскошью знанія и дѣломъ досуга—это когда ее не знаешь; а впрочемъ изъ нея же удобно узнается, что только горькій опытъ убѣждаетъ невѣжество въ достоинствѣ всякаго положительнаго знанія.

О состояніи Крыма и Татаръ скажемъ нѣсколько словъ.

Прекрасная страна эта нынѣ процвѣтаетъ, вѣроятно, въ такомъ же видѣ,—за исключеніемъ дачъ южнаго берега,—въ какомъ застали ее первые поселенцы Татары.

Богатство Южнаго Крыма составляютъ—самый благонастроенный, теплый воздухъ, плодородная почва, обильные лѣса и достаточныя, хорошаго достоинства воды—все, что нужно для самой щедрой производительности природы.

Именно пропорціональность въ распредѣленіи водъ и лѣсовъ благоприятствуетъ этой производительности; съ нарушеніемъ ея, естественно, всегда измѣняются свойства атмосферы и почвы. Тѣсная связь состоянія лѣсовъ съ состояніемъ водъ равно существуетъ и въ плоскихъ и въ гористыхъ странахъ; всюду лѣса и воды, взаимно питая другъ друга, находятся во взаимной зависимости: истребленіе нагорныхъ лѣсовъ Парижская Академія признала причиной послѣдняго наводненія во Франціи; безводныя степи летучихъ песковъ въ Южной Россіи—послѣдствіе совершеннаго лѣсонстребленія; а излишнее осушеніе болотъ въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, по мнѣнію знаменитыхъ германскихъ лѣсоводовъ, было причиной обезлѣсенія сосѣднихъ съ этими болотами мѣстностей и обмелѣнія рѣкъ.

Въ Крыму еще очень недавно началась вырубка лѣсу «въ видахъ выполненія плановъ науки», то есть лѣсоводства; но довольно давно размножены Греками табачныя плантаціи, для орошенія которыхъ они произвольно дѣлаютъ изъ рѣкъ и рѣчекъ отводы, иногда неумѣренные и неумѣстные. По замѣчаніямъ свѣдущихъ старожиловъ, воды рѣкъ именно отъ этого оскудѣваютъ очень быстро въ послѣднее время. Такъ какъ внутри края очень немного постоянныхъ устроенныхъ дорогъ, то это оскуденіе водъ представляетъ только ту выгоду, что русла рѣкъ и рѣчекъ, болъшую противъ прежняго часть года, служатъ дорогами для татарскихъ арбъ или возовъ,

Дорога въ дикой странѣ—первый шагъ, азбука цивилизаціи: Татары этой азбуки почти не знаютъ. Южнобережская дорога не про нихъ писана.

Татары занимаютъ преимущественно садоводствомъ, винодѣліемъ и воспитаніемъ барановъ и лошадей; но вообще и это хозяйство ихъ находится въ полудикомъ состояніи. Бараны Южнаго Крыма, пасущіеся все лѣто по вершинамъ горъ, вѣроятно никогда не дадутъ руна высокаго достоинства; горныя лошади, чрезвычайно легкія, сносливыя и красивыя, тоже едва ли могутъ быть полезны внутри Россіи или для кавалеріи,—онѣ слабы, но садоводство, болѣе правильное и внимательное, конечно обогатило бы край: желѣзная дорога до Феодосіи, безъ сомнѣнія, подвинетъ дѣло, и тогда объяснится, чтó можетъ производить эта природная оранжерея Россіи.

Татаринъ лѣнивъ, безпечень, немножко растленъ и оттого приглуповатъ, но при всей своей добротѣ и честности, онъ, не менѣе вороватыхъ племенъ, способенъ къ развитію. Фанатизмъ магометанства крѣпко подорванъ у Татаръ оказываемой имъ терпимостью, человѣчнымъ обращеніемъ съ ними и особенно уваженіемъ къ чадрамъ ихъ жонъ; вѣроятно, это составляетъ главную причину не только холодности, но даже презрѣнія ихъ къ Туркамъ, которыхъ они ставятъ несравненно ниже себя, какъ народъ сладострастный, тупой и надмѣнный. Разумѣется, Турки платятъ имъ тѣмъ же. Они, очевидно, любятъ насъ и даже иногда радушиѣ принимаютъ христіанина, нежели своего земляка.

Они говорятъ, что гяуръ лучше цѣнить гостепріимство, нежели магометанинъ, и при нуждѣ можетъ подать разумный совѣтъ (*).

Пища Татарина состоитъ изъ зелени, фруктовъ, баранины, съ небольшимъ количествомъ «котломы», блина изъ муки, вымѣниваемой имъ на фрукты и барановъ у заѣзжихъ русскихъ и бердянскихъ торгашей. Зеленъ въ разныхъ видахъ, соусахъ и приправахъ: айва, подлижаны, баклашаны, соленый перецъ; изъ баранины: кашикъ—борекъ—ушки, сорма—голубцы, обернутые винограднымъ листомъ; шашлыкъ—кусочки баранины, жареные на лучинѣ на жиру: супъ,—туй—шорба изъ пшена, подбѣленный кислымъ молокомъ; качачъ—баранья солонина, сушеная на солнцѣ; также превосходнаго вкуса сыръ, сохраняемый въ бараньихъ шкурахъ, и стоящій на мѣстѣ 60 коп. сер. за фунтъ. Наконецъ фрукты и бикмесъ — фруктовая патока.

Вообще, Татары ѣдятъ очень хорошо и живутъ, не взирая на несмѣтное количество блохъ, съ азіатскимъ комфортомъ. Но это не относится до степныхъ Татаръ: за Симферополемъ Татаринъ грязенъ, не разборчивъ на пищу и только въ пятницу или въ байрамъ скоромится лошадинымъ мясомъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое племя: они Калмыки, выходцы изъ Сибири, потомки войскъ разбитаго Батыя.

(*) Вотъ что писалъ мнѣ въ началѣ 1856 года постоянный житель Крыма, образованный и наблюдательный Грекъ В. К.

«Нынѣшняя весна и спокойная стоянка войскъ по деревнямъ, до того расположили Татаръ къ намъ, что они уже считаютъ совсѣмъ лишнимъ прятать своихъ жонъ даже отъ военныхъ людей, и женщины съ удовольствіемъ бесѣдуютъ и курятъ въ нашемъ обществѣ. Все болѣе и болѣе водворяется между ними моногамія, разводы нынѣ очень рѣдки и считаются предосудительными, и жена уже не молчитъ по прежнему рабски предъ мужемъ: нѣтъ сомнѣнія, что онъ при случаѣ отъ нея первый услышитъ дурака, въ видахъ возбужденія въ немъ самолюбія. Даже первостепенная страсть Татаръ—кофе, замѣнилась предпочтеніемъ чая, и теперь въ каждой кофейнѣ блеститъ тульскій самоваръ. Но одно изъ самыхъ важныхъ доказательствъ цивилизаціи ихъ вотъ въ чемъ: правительство дозволило каждому Татарину, въ случаѣ тяжбы, судиться по магометанскимъ законамъ, и для этого учреждено магометанское духовное правленіе; до войны въ немъ рѣшались всѣ тяжбы дѣла ихъ; теперь ни одинъ Татаринъ уже не адресуется въ свое духовное правленіе и законы великаго пророка *презрѣны* въ Крыму.

«Число учащихся по-татарски день ото дня уменьшается: кто имѣетъ средства, посылаетъ дѣтей въ русское училище; бѣдняки, отдавая дѣтей въ услуженіе Русскимъ, просятъ, чтобы учили ихъ русской грамотѣ.»

Одежда Южнобережскихъ Татаръ очень живописна и удобна; у зажиточныхъ людей шолкъ, бархатъ и золотые позументы ни почемъ. Бѣлыя чадры женщинъ придають имъ особенно интересную таинственность. По словамъ знатоковъ, Татары склонны къ поэзи, и языкъ ихъ богатъ выразительными, грустными и нѣжными пѣснями. Но слышанныя мною мелодіи ихъ страствующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ ужасны: и ушамъ и глазамъ больно отъ этого горлодерства.

На «джинахъ» — собраніяхъ, при встрѣчѣ жениховъ и невѣстъ, импровизируются съ обѣихъ сторонъ «чины» — пѣсни; вотъ образчикъ:

ПѢСНЯ ЖЕНИХА.

Адрианополюскій мостъ каменный (?)
 Ты свела меня съ ума.
 Ты милая овечка матери,
 Разливаешь ароматы всѣхъ сортовъ,
 Заражаешь атмосферу юношей
 И заразила джигита несчастнаго,
 Шедшаго мимо дома твоего.
 Съ тѣхъ поръ, куда онъ ни поидеть,
 Все какая-то сила влечетъ его
 Къ неизвѣстному мѣсту.
 Брожу, брожу безъ помощи,
 Но лишь пойду къ тому мѣсту,
 Гдѣ заразился—раны засыхаютъ,
 Я снова веселъ и счастливъ,
 Самъ не знаю отчего.
 Но лишь отступилъ,
 Опять ударить молотъ въ сердце,
 Польются слезы,—Аллахъ знаетъ отчего.
 Во снѣ слышу голосъ дѣвицы,
 Онъ судитъ мнѣ лекарство.
 Вѣрнѣйшее отъ колдовства,

ПѢСНЯ НЕВѢСТЫ.

На небѣ горять звѣзды,
 А межъ ними одна моя.
 Всякой день вечеръ и ночь

Я смотрю на небеса,
Киваю звѣздочкѣ головой,
Дѣлаю ей знаки, —
Зачѣмъ же она нехочетъ
Сойдти ко мнѣ.

Послѣ подобныхъ пѣсенъ, тутъ же на джипѣ и рѣшается судьба влюбленныхъ.

Муѣсульманство видимо ветшаетъ и уже не удовлетворяетъ духовной потребности даже малоразвитаго Татарина; эпоха ненависти, крови и борьбы для него прошла и потому коранъ, громащій «невѣрныхъ собакъ», почти никѣмъ не понимается и всѣми мало уважается. Другое дѣло въ Турціи, — но въ Крыму онъ держится какъ прошлогодній календарь въ захолустьяхъ провинціи.

Разумѣется, великій пророкъ Аллаха, какъ и всѣ болѣе или менѣе мудрые законодатели-патріоты, прежде всего имѣлъ въ виду самобытность своего народа и, уча истинѣ, приспособлялъ ученіе свое къ народному характеру, склонному, какъ у всѣхъ южныхъ племенъ, къ поэзіи и мистицизму; но коранъ вовсе не содержитъ въ себѣ той мистической билиберды, которая ходитъ въ устахъ магометанъ. Страстные послѣдователи великихъ учителей, почти всегда являли еще болѣе ихъ ревности къ ихъ ученію и на столько же менѣе ихъ благоразумія. Не имѣя силы дѣйствовать на душу непосредственно убѣжденіемъ разума, они прибѣгали къ поэзіи, чудесности и таинственности, чтобы потрясать воображеніе, — отсюда всѣ легенды и повѣрья, приписываемыя корану, въ которомъ, при всей метафоричности изложенія, нѣтъ, однако, этихъ нелѣпостей, которыя, очаровывая воображеніе, разумѣется, постоянно возбуждаютъ фанатизмъ, но при первомъ случаѣ малѣйшаго отрезвленія ума — фанатизмъ обращается въ безбожіе.

Однажды, набожный Турокъ, въ кругу Татаръ, восхвалялъ Магомета; онъ исчерпалъ въ честь его всѣ фигуры своей избитой реторики и, какъ водится, зарпортовался: «Злые духи тьмы, говорилъ восторженный факиръ благоговѣйнымъ слушателямъ: — чтобы осрамить силу посланника небесъ, хотѣли взвѣсить его на вѣсахъ: но сколько не клали противъ него тяжестей — пророкъ все перевѣсилъ. Скрежеща зубами, черти привели наконецъ огромнѣйшаго изъ ословъ, — утвердили на немъ необъятной

величины вѣсы и на одну чашу вкатили земной шаръ, на другую посадили пророка — о чудо! посланникъ небесъ перевѣсилъ и землю!...»

— А когда земля была на вѣсахъ, на чемъ же стоялъ осель? лукаво спросилъ одинъ изъ слушателей. Въ отвѣтъ сверкнули кинжалы, но скептикъ убѣжалъ.

Общество по немногу успокоилось, закурили трубки — но увы! камень грѣховнаго вопроса былъ брошенъ, и не одна правовѣрная голова призадумывалась, но какъ тутъ не думай, а осла все-таки некуда поставить.

Это именно то состояніе зрѣющаго ребенка, когда бумажные ослы, лошадки и басни няньки ему уже надоѣли, а болѣе благородныхъ игрушекъ и книжекъ у него еще нѣтъ; долгъ воспитателя слѣдить за такими переходами и удовлетворять возникающимъ потребностямъ.

На цивилизацію Татаръ не разъ было обращено вниманіе правительства; внутри Крыма поселяли колоніи Нѣмцевъ и Русскихъ, съ цѣлю — исподволь цивилизовать это азіатское племя. Но цѣль не достигалась: Нѣмцы замыкались въ своемъ кружкѣ, разумно пользовались щедротами природы, богатѣли; Русскіе, неизмѣняя коренныхъ привычекъ своихъ, много переняли отъ туземцевъ, — тѣ и другіе не имѣли на ихъ быть никакого вліянія.

Не разъ была рѣчь о выселеніи Татаръ внутрь Россіи, но слава Богу, что подобныя проѣкты вообще рѣдко выполняются: переселеніе полудикарей и вообще людей, не получавшихъ никакихъ началъ образованности, — есть чтото въ родѣ подкидыванія младенца. Космополитъ ищетъ удобнаго переселенія, человекъ нравственно-самостоятельный переноситъ его, дикарь и невѣжда — гибнуть на чужбинѣ.

Не только Татаринъ, лишенный своего поэтическаго, уютнаго гнѣзда, родныхъ горъ и долинъ, не вынесетъ тоски своей; но даже витебскій поселянинъ только и счастливъ — хоть голодень — на своихъ теплыхъ пескахъ, подъ шепчущимъ боромъ, въ виду своихъ прекрасныхъ синихъ озеръ. Тамъ онъ усердно копошится около своей лачуги, двухверхковымъ лемешомъ царапаетъ родную, какъ онъ самъ, непронизводительную землю, справляется съ своими лычками, мотузками и со всѣмъ своимъ лубочнымъ бы-

томъ; перекиньте его, какъ онъ есть, въ Ярославскую губернію или другой богатый промышленный край, перенесите даже въ Украйну—и онъ изведется надъ незнакомой работой, надъ громадскими, непривычными ему плугами, безъ своихъ мозжевеловыхъ паростниковъ и темныхъ хвойныхъ перелѣсковъ.

Экономисты и государственные хозяева могутъ указать на охотливость Нѣмцевъ къ выселенію даже въ Америку; но въ умахъ экономистовъ, точно также, какъ и въ привычкахъ Нѣмцевъ, давно уже все поэтическое и младенческое переложено въ цифры.

Поверхностное обозрѣніе Крыма, то есть путешествіе по столбовой дорогѣ,—почти на каждомъ шагу показываетъ заботливость о краѣ и напоминаетъ имя гражданскаго дѣятеля, пріобрѣтшее популярность почти во всей южной Россіи: тутъ шоссе въ горахъ, тамъ фонтанъ, далѣе монументъ, дворецъ и т. п. Но сверните съ большой дороги—и передъ вами непочатая Азія, благодатно дремлющая въ ветхозавѣтномъ забытіи и если коегдѣ по виднымъ пробѣжимъ мѣстамъ и прошла рука творческаго искусства, за то повсюду руки сокрушительнаго искусства чиновничьей эксплуатаціи явно жнутъ и косятъ, не сѣя и даже не давая созрѣть самосѣву. Если успѣете рассмотреть и сообразить состояніе основныхъ силъ края, свѣрите его природные капиталы съ приносимыми имъ процентами,—то не удивительно, что въ дѣлахъ иныхъ популярныхъ дѣятелей, вмѣсто прославленныхъ просвѣщенныхъ взглядовъ, благонамѣренности и патриотизма, увидите одно тщеславіе и мелочной эгоизмъ. Конечно, имена полезныхъ гражданскихъ дѣятелей,—какъ друзей человѣчества,—принадлежать исторіи; но исторія была бы небожѣ какъ громадная сплетня, если бы вносила въ свои скрижали факты, неочищенные строгой повѣркой; вѣнчая, напримѣръ, вѣнкомъ гражданской доблести какую нибудь себялюбивую, хитрую личность, она обогнала бы современниковъ передъ потомствомъ, навязавъ имъ монументальныя чувства уваженія, удивленія, благодарности къ человѣку, о которомъ полно будетъ сказать—«обдѣлалъ свои дѣлишки.»

Но съ исторіей—не взирая на упорство патентованныхъ историковъ—подобныхъ промаховъ не бываетъ, потому что исторія, хотя и пишется, какъ романъ, но кромѣ того совершается какъ и жизнь; прочныхъ мистификацій въ ней нѣтъ: можно дол-

го, пожалуй по гробъ, *казаться* чѣмъ угодно, а все таки наконецъ надо *оказаться* тѣмъ, что есть.

Солнечный зной уже слабѣлъ, когда мы проснулись. Приготовляясь въ дорогу, мой спутникъ замѣтилъ изъ разговоровъ съ Татарами, которыхъ собралось около насъ немало, общее безпокойство: они спрашивали о десантѣ, хотя видимо знали лучше насъ дѣло, и считая меня военнымъ, старались узнать мое мнѣніе о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

По дорогѣ къ Симфероплю кое-гдѣ замѣчалось не совсѣмъ обыкновенное столпленіе народа, но все было спокойно. А въ Симфероплѣ извѣстіе о десантѣ имѣло немедленнымъ послѣдствіемъ послѣдшныя административныя распоряженія по гражданскому вѣдомству къ быстрой ретирадѣ въ случаѣ нужды: всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ приказано быть на готовѣ со всѣми архивами, потеря которыхъ, говоря мимоходомъ, разумѣется, больше обрадовала бы насъ, нежели приобрѣтеніе ихъ—непріятеля: ихъ неразобрать бы всей Парижской Академіи надписей, пока въ числѣ ея членовъ нѣтъ нашего секретаря Земскаго суда.

5 сентября я поѣхалъ въ Коушъ, чтобы забрать оставленную тамъ мою команду. Въ верстѣ отъ Бишуя, гдѣ мнѣ слѣдовало переѣхать перекладную на верховыхъ лошадей, я встрѣтилъ бишуйскаго лѣсничаго со всѣми домочадцами верхами; онъ совѣтовалъ мнѣ возвратиться и сообщилъ, что одинъ изъ преданныхъ ему полѣсовщиковъ, Татаринъ, по секрету донесъ ему объ умыслахъ Татаръ и просилъ его скорѣй убраться въ городъ; мнѣ что-то невѣрилось этой секретной преданности, — повятно было, что Татары хотѣли избавиться отъ надзора. Разумѣется, нечего было и думать достать лошадей въ Бишуѣ, а ямщикъ мой, по счастью Русскій, нерѣшился ни за что везти далѣе; притомъ же прямая дорога до Коуша, верстъ 12, была непроѣзжима для колесъ, а по руслу Альмы предстояло еще два добрые перегона. На всѣ предложенія мои ямщикъ упорно отказывался; оставалось послѣднее средство — одной рукой показать ему добрые прогоны, а другой погнать лошадей; это оказалось дѣйствительнымъ, и мы пустились далѣе. Дорога въ самомъ дѣлѣ была адская: мѣстами приходилось выпрягать и взводить лошадей на обрывы по одиночкѣ, и потомъ возжами припрягать ихъ къ дышлу, а самимъ подымать повозку сзади. Перѣцарапанные и

измученные, добрались мы, однако, до Коуша. Тамъ, съ первой вѣстью о десантѣ, Татары уже перестали являться на работы и всѣ занятія были прекращены. Казанскій Татаринъ, бывший въ моей командѣ, оказался одержимымъ инкерманской лихорадкой и немогъ подняться на ноги; онъ поносилъ и Крымъ и Татаръ, называя ихъ «турецкими собаками», за то въ особенности, что они совсѣмъ непонимали его. Забравъ изъ Коуша солдатъ и объздчиковъ, я тронулся къ ночи въ обратный путь.

На разсвѣтѣ проѣхали мы Бишуй; за деревней насъ догнали два Татарина верхами, но слѣдовали за нами на благородномъ разстояніи и проводивъ версты три, вернулись назадъ. Въ послѣдствіи разнесся слухъ, что въ кузницахъ, которыхъ много въ Бишуй, приготовлялось оружіе на случай возстанія Татаръ, но по осмотру оружія не найдено.

Въ Симферополѣ уже все было въ сильномъ броженіи; воинственный духъ обуялъ всѣхъ, и общество гражданскихъ чиновниковъ, движимое отвагой, порѣшило лечь костью; съ этой цѣлью составилъ списокъ добровольнаго ополченія — я имѣлъ честь росписаться тоже. Приобрѣтеніе оружія было общей заботой: все, что стрѣляло, рѣзало, кололо и рубило, было искуплено безъ торгу на расхватъ и несмотря на гениальную изобрѣтательность Жидовъ, которые, кажется, даже къ рожнамъ придѣлывали ножны и, выдавая ихъ за древнія рапиры, брали деньги съ канцеляристовъ, — въ лавкахъ уже неоставалось ни одного сколько нибудь убійственнаго куска желѣза. Оплошавшая въ вооруженіи часть патриотовъ уповала на дреколіе. Но нѣкоторые изъ гражданъ въ самомъ дѣлѣ были вооружены прекрасно и, разумѣется, могли лечь костью, хотя и не потому, что «мертвые стыда нечуютъ»,—это еще не резонъ привычному человѣку.

Понинѣ я не могу забыть одного полицейскаго чиновника, очень хорошаго человѣка, съ которымъ до самаго моего выѣзда изъ Крыма я безпрестанно встрѣчался въ обществѣ за обѣдомъ и за чаемъ. Онъ всегда принималъ очень живописную бивуачную позу, и при этомъ со стукомъ вываливался у него изъ кармана пистолеть, величиною съ небольшой фальконетъ. Дамы въ эту минуту одушевлялись и казалось плели герою лавровый вѣнокъ въ душѣ, а онъ очень холодно и невнимательно упрятывалъ пистолеть въ свой черезъ чуръ разверстый карманъ; другіе смотрѣли съ завистію. Это проклятое орудіе разъ упало на мою мо-

золь, оттого-то я его и помню. Канроберу пожелалъ я сосѣдства съ этимъ господиномъ.

6 сентября весь городъ ходилъ въ острогъ, поглядѣть на первыхъ нашихъ плѣнныхъ; ихъ было человекъ десять взято козаками и гусарскимъ объѣздомъ. Въ то время попался и близорукій полковникъ генеральнаго штаба графъ Гонди, взятый не совсѣмъ учтиво унтеръ-офицеромъ Кіевскаго полка Зарубинымъ.

Надо отдать справедливость молодцоватости Французовъ и тому духу ихъ, который у насъ довольно близко опредѣляется поговоркой, впрочемъ безсмысленной, «завей горе веревочкой». Сержантъ-мажоръ, юноша лѣтъ двадцати-двухъ или двадцатитрехъ, съ которымъ я заговорилъ, просилъ меня составить ему краткій словарь самыхъ необходимыхъ обыденныхъ словъ и фразъ, вынувъ изъ кармана клочекъ бумаги и карандашъ, и мнѣ, нежели въ часъ времени, уже успѣшно держалъ экзамень въ составленіи изъ данныхъ словъ фразъ, въ родѣ: «Дайте мнѣ клѣбъ, — я благодарствую вы ошнъ!»

Нѣкоторые изъ плѣнныхъ поролн и нерешивали свои красивые широкіе кушаки на галстуки и наушники; одинъ вбѣжалъ въ лохмотьяхъ полушубка и хвастался покушкой своей. «*Je sais parfaitement bien de quoi s'en tenir dans ce pays-ci!*» кричалъ онъ, повертываясь въ новомъ костюмѣ; распахнулъ его—гдѣ не было дыры, тамъ плѣшь; какой-то аферистъ надулъ его безбожно. Однако, что значитъ правильное развитіе смысла даже въ вертопрахахъ; въ сорокъ лѣтъ непропалъ грозный урокъ—всѣ помнили о нашей сердитой зимѣ. Пока мы бесѣдовали, изъ скрыпнувшихъ дверей высунулась какая-то шаршавая голова, безъ лба, но съ фантастическимъ носомъ въ видѣ груши. «А кто изъ васъ кашеваръ, эй, народъ!» кричала голова.—«*Que veut-il?*» спрашивали Французы. Приглашенный войти фантастическій носъ просилъ насъ растолковать плѣннымъ, чтобы они назначили отъ себя кашевара, — «на нихъ вѣдь не потрафишь, ваше благородіе: лѣшій знаетъ, какая у нихъ каша!» Плѣнные всѣ были разныхъ полковъ и командъ; по совѣщанію, обладатель полушубка взялся быть поваромъ. Приложивъ руку къ козырьку, онъ ловко вытянулся передъ сержантомъ и отрапортовалъ о своемъ новомъ назначеніи. Такой образчикъ разумной военной дисциплины, не-

падающей ни при какихъ обстоятельствахъ, всѣмъ намъ, разумѣется, понравился.

Въ это время проходила чрезъ Симферополь, бывшая прежде, кажется, на Черноморскомъ берегу, бригада генерала Хомотова, Бутырскій и, кажется, Якутскій полки и баталіонъ знаменитыхъ пластуновъ. Бригада эта представляла совершенно новое зрѣлище глазамъ, привыкшимъ къ нашему фронту: люди были безъ касокъ, безъ ранцевъ и безъ портупей; на головѣ фуражка грешневикомъ съ огромнымъ козырькомъ, черезъ плечо перевязь съ сумой, при ней манерка и сахарный мѣшокъ; плащевый ремень вмѣсто пояса, и подъ полами шинели еще мѣшокъ, а у иного два, съ туалетными вещами, у иныхъ притомъ гдѣ нибудь на виду заткнута ложка. Еслибы еще круглая подстриженная борода (*), все обременительное солдату для красоты въ ущербъ удобства исчезло бы. Любо было смотрѣть на этихъ развязныхъ молодцовъ: человѣкъ тогда только можетъ быть похожъ на бойца, когда онъ не похожъ на куклу.

Вообще, во внѣшности нашего солдата самый рѣзкій недостатокъ, это отсутствіе изящныхъ позъ и движеній. Мужикъ нашъ очень живописенъ: постановка у него медвѣдеватая, но обличающая силу; избоченится онъ слишкомъ развалисто, но всегда красиво, и надо обладать самымъ притупленнымъ вкусомъ къ изяществу, чтобы отрицать несомнѣнную красоту естественности.

Передъ моимъ окномъ рота Бутырцевъ составляла ружья и «приваливала». Я попросилъ одного коренастаго георгиевскаго кавалера послужить мнѣ «натурой» и набросалъ его перомъ на клочкѣ бумаги. Эскизъ этотъ, вмѣстѣ съ рисункомъ, изображающимъ пластуна, удостоился быть представленнымъ Его Высо-

(*) Чтобы оцѣнить удобства бороды, надо самому испытать процессъ армейскаго скобленія бороды; для этого часовъ въ шесть утра, въ приморозки, умойся, одѣнься, выйди на улицу, вымажься холоднымъ мыломъ, обрѣйся тупой бритвой, да такъ и останься на цѣлый день на воздухѣ: борода и щеки будутъ горѣть какъ высѣченныя, а на другой день лупиться какъ обожженныя. За то красиво. И Боже сохрани каждаго при твердой бородѣ быть не въ ладахъ съ ротнымъ цирюльникомъ: изомстится, каналья, такъ, что самая неколебимая гордость и справедливость — крикнетъ. И никакой аппеляціи здѣсь нѣтъ. Молчи, да кряхти, какъ бѣдуга, задравши морду въ облака; а онъ брѣдетъ, да улыбается, какъ лѣсничій при списанной «въ видахъ выполненія плана науки» вырубкѣ: заростетъ, молъ.

честву Наслѣднику (нынѣ Государю) для объясненія обмундировки Бутырцевъ.

Конечно, очень остроуменъ и, пожалуй, глубокомысленъ былъ тотъ Нѣмецъ, который изобрѣлъ средство лишить человека въ бою всякой индивидуальной самостоятельности движеній, и тѣмъ въ *свое время* несказанно усилилъ дѣйствіе массы войска. Но едвали не разумнѣе будетъ тотъ, хоть бы и не Нѣмецъ, кто возвратитъ всю естественность воли бойцу и тѣмъ въ *наше время* еще несказаниѣе усилитъ и облагородитъ дѣйствіе войска.

Убѣдиться въ этомъ нетрудно.

Насъ, напримѣръ, учили, да грѣшный человекъ, я и самъ училъ и еще былъ сихъ дѣлъ мастеръ, здороваться съ начальствомъ такъ, чтобы выходило восторженное и велегласное, какъ говорилъ Федотовъ, пѣніе—«Ваше ствоо!» Теперь убѣдились, что это не совсѣмъ музыкально, и уже удовлетворяются по этой акустической части воспитанія—естественнымъ речитативомъ. Но если бы испытать, напримѣръ, взглянуть на одѣтыхъ «безъ пригонки» людей, стоящихъ стройно, но вольно, и, положимъ, отдающихъ честь «на кра-улъ», безъ приемовъ и не въ темпъ,—можетъ быть это оказалось бы вовсе не дурно. Во фронтѣ это могло бы быть очень красиво, потому что оно совершенно естественно. И сколько затѣмъ времени оставалось бы отъ выучки темпамъ и «какъ одинъ», для занятій, безспорно полезнѣйшихъ?

Необходимость развитія самостоятельности единицъ, составляющихъ массу, уже выяснилась, какъ физиологическій законъ прогресса; остается только признать эту необходимость и безпрекословно содѣйствовать ей. Не была бы она необходимостью, еслибы можно было ее обойти. Разумѣется, всему на свѣтѣ, не исключая размаху крыльевъ вѣтренныхъ мельницъ, противодействовать слѣпымъ усиленіемъ можно, но этого не стоитъ дѣлать уже изъ-за однихъ послѣдствій: необходимость свое возьметъ.

Когда какое нибудь политическое тѣло сложилось, округлилось и опредѣлилось въ своихъ главныхъ частяхъ, какъ кусокъ камня, предназначенный къ скульптурному дѣлу, когда предварительная работа—расположеніе частей, взаимная пропорція и связь ихъ выразилась, хотя грубо, но ясно и согласно задуманной мысли, — надо уже приступить къ отдѣлкѣ, иначе можно

«заработаться» и испортить камень. Можно испортить его точно также, какъ портится камень другимъ способомъ, именно, отдѣлкою частей прежде достаточной подготовки общаго вида фигуры, причемъ художникъ неизбѣжно «теряется въ мелочахъ». Нельзя сказать, которая именно изъ двухъ порчъ хуже, но вѣрно то, что обѣ никуда не годятся.

Оригинально обмундированная бригада вступила въ Симферополь безъ всякой церемоніи по походному, съ завернутыми полами. Въ слѣдъ за ней, входилъ баталіонъ пластуновъ; репутація этого войска въ симферопольской публикѣ составила самыя непріятелья: допрашивая Татаръ и жителей занятой ими Евпаторіи о числѣ и родѣ нашихъ войскъ, они не забыли пластуновъ, а до этого, по правдѣ сказать, немногіе изъ насъ знали даже о существованіи ихъ. Пластуновъ встрѣтила толпа любопытныхъ за городской заставой; они шли въ порядкѣ: встрѣчавшій войска генералъ приказалъ командиру баталіона «идти вольно, завернуть полы». — «Неможно, ваше превосходительство!» отвѣчалъ запорожскимъ нарѣчіемъ командиръ. «Это почему?» — «Бо е богацько такихъ що бизъ штаныу». Для прохладенія многіе нашли удобною шотландскую обмундировку нижней части тѣла.

Лихое войско пластуны. Даромъ пороху не тратятъ и каждый также помнитъ свои промахи, какъ плохой стрѣлокъ удачные выстрѣлы. Говорятъ, есть между ними такіе азартные стрѣлки, что не попавъ въ предметъ, кусаютъ ружье со злости.

Съ однимъ любопытнымъ чиновникомъ я подошелъ къ нимъ на ихъ привалѣ; чиновникъ предлагалъ имъ много вопросовъ, но пластуны несловоохотны. «А на 500 шаговъ попадешь въ человѣка?» спросилъ онъ одного изъ нихъ. — «Якій же вы чудный, таки въ чиловика не попасть, да сэ-жь нэ муха!» досадливо отвѣтилъ пластунъ.

7 сентября было извѣстно, что наша армія, въ числѣ 50,000 штыковъ (*), заняла крѣпкую позицію передъ деревнею Бурлюкомъ, на рѣкѣ Алмѣ, и что ожидается атака непріятеля.

Къ вечеру много было розказней о занятіи союзниками и Турками Евпаторіи.

(*) Оказалось потомъ 55,000, да и позиція не въ крѣпкихъ.

Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился нѣкій чиновникъ, занимавшій въ Евпаторіи таможенный постъ и извѣстный за чело-вѣка съ большими свѣдѣніями и замѣчательной способностью выпить. Наканунѣ высадки, англійскій военный пароходъ сталъ на якорь, у самаго рейда Евпаторіи; чиновникъ немедленно приказалъ изготовить «четверку» лодку, сѣлъ, поплылъ къ пароходу и сталъ, «согласно данной ему инструкціи», опрашивать гостя. Его взяли на пароходъ и объявили ему, что онъ въ плѣну: «это ваше дѣло, отвѣчалъ чиновникъ, а я дѣлаю свое и объявляю ваше судно контрабандой.» Онъ очень понравился всему экипажу и владѣя англійскимъ и французскимъ языками, когда владѣлъ языкомъ, былъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Но послѣ обѣда буфетъ какъ-то остался безъ присмотра и когда кому-то понадобилось гроку, то оказалось.... или лучше, вовсе не оказалось рому: чиновникъ выпилъ весь ромъ и спалъ очень сладко съ послѣдней бутылкой въ рукахъ. Его не будили, а спустили на его же «четверку» и приказали поскорѣ увезти куда угодно, только подальше.

8 сентября, въ полдень, въ Симферополѣ знали, что непріятель атаковалъ насъ; поздно вечеромъ пронесся слухъ, что наши отступили, а 9, чуть свѣтъ, весь городъ былъ въ несказанной тревогѣ: полиція, жандармы, арестанты поспѣшно строились на сборной площади; «на пра-во, маршъ, за заставу».

Къ полудню христіанская половина города опустѣла: присутственныя мѣста уѣхали съ возами бумагъ, все бѣжало, какъ могло: за перегонъ до станціи платили *по сту* рублей съ тройки; кто не могъ нанять лошадей или воловъ, согнанныхъ со всѣхъ окрестностей города, тотъ бѣжалъ пѣшкомъ, съ дѣтьми, съ узлами и съ разнымъ скарбомъ. Одна вдова въ торопяхъ продала свой каменный домъ за *восемьдесятъ* рублей, какому-то чиновнику; однако чиновникъ, немогшій устоять противъ искушенія благопріобрѣсти домъ, сейчасъ же послѣ купли бѣжалъ самъ. На тридцать верстъ растянулся караванъ бѣгущихъ; зрѣлище было отчаянное; проживавшій въ Симферополѣ ветеранъ 12-го года утверждалъ, что картина этого бѣгства нисколько не уступаетъ картинѣ бѣгства Москвы въ 1812 году.

Часу въ четвертомъ, вышелъ я съ нѣсколькими товарищами взглянуть на городъ; большею частію своихъ улицъ онъ походилъ на тѣ мертвые или сонные города восточныхъ сказокъ, въ

которыхъ даже вѣтеръ уснулъ; опустѣлые дома съ растворенными настежь окнами, дверями и воротами, или съ затворенными и заколоченными ставнями и входами, на улицахъ ни души, кое-гдѣ воющая собака, рыскающая кошка, да тамъ и сямъ зазирающій въ каждую щель Цыганъ.

Весьма немногіе остались въ городѣ, или по недостатку средствъ къ внезапному выѣзду, или по благоразумію, не растерявшемуся въ общей суматохѣ; были, впрочемъ, оставшіяся лица и съ такими экспрессіями, которыхъ, какъ говорится въ просторѣчьи, и самъ чортъ не разберетъ.

Такимъ образомъ, внезапно прервались всѣ административныя отправленія въ покинутомъ на волю судьбы городѣ, и солдатъ, посланный мною съ казеннымъ кувертомъ и письмами въ почтовую контору, не засталъ тамъ никого, кромѣ сѣтующей, какъ Марій на развалинахъ Кароагена, бабы.

Зайдя къ Бекариосу въ «Золотой якорь», я засталъ нѣсколько спокойныхъ сотрапезниковъ и между ними странной наружности прапорщика, коснаго, прищепеливающего, пришлепывающаго языкомъ и приплывывающаго такъ, что и разобрать нельзя, о чемъ онъ говоритъ. А онъ ѣлъ и что-то доказывалъ всей компаніи.

Вечеромъ пронесся слухъ, что изъ главной квартиры прибылъ штабъ-офицеръ, посланный главнокомандующимъ, чтобъ успокоить и вернуть жителей. Дѣйствительно, на утро жители Симферополя стали возвращаться обратнымъ порядкомъ, послѣдніе первыми. По городу только и слышны были жалобы и счета убытковъ, надѣланныхъ бѣгствомъ.

Изъ тысячи болѣе-менѣ смѣшныхъ или печальныхъ анекдотовъ, возникшихъ въ этомъ историческомъ событіи, особенно назидательны для потомства два: это — тяжба продавшей домъ вдовы съ покупателемъ чиновникомъ, который на основаніи законовъ оцѣнял свой домъ уже не десятками, какъ вчера, а тысячами рублей. Весь содомъ надѣлалъ прапорщикъ, съ которымъ я познакомился наканунѣ за табль-д'отомъ: быстрый, рѣчистый, но, вѣроятно, по невниманію принимавшей его бабки, оставшейся на вѣкъ съ «суконнымъ» языкомъ, прапорщикъ прибылъ по какому-то дѣлу съ позиціи въ Симферополь, встрѣтился съ кѣмъ-то изъ чиновниковъ, наговорилъ много чего-то непонятнаго, но опаснаго, съ жестами тоже опасными; чиновникъ доложилъ гу-

бернатору; потребованный предъ лицо уже начальника, прапорщикъ забрызгалъ пуше обыкновеннаго и ничего нѣтъ удивительнаго, что когда на вопросъ генерала, непривыкшаго спрашивать «сколько враговъ», а «гдѣ они», — прапорщикъ вытянулъ руку на западъ и поспѣшилъ отвѣтить «въ трехъ....» мѣстахъ или верстахъ, разбирать этого оракула было нѣкогда, а послѣ побѣды дерзкаго врага въ минуту можно было сообразить, что ему ни почемъ въ ночь сдѣлать переходъ къ стѣнамъ беззащитнаго Симферополя. Присутственные мѣста, а за ними и большая часть чиновнаго люда, выѣхали изъ города; прочіе пошли пѣшкомъ. А прапорщикъ остался обѣдать.

А добровольно ополчившееся общество гражданскихъ чиновниковъ все-таки не измѣнило своей доблести: каждый былъ на своемъ мѣстѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, при письменныхъ дѣлахъ на возахъ.

Симферопольское бѣгство хотя и представляетъ нѣсколько печальныхъ случаевъ, но вообще такъ комично, что серьезный историкъ будетъ крайне затрудненъ этой страницей своей исторіи: изъ пѣсни слова не выкинешь, а ровно ничего, кромѣ смѣха, не возбуждаетъ этотъ жалкій фактъ паническаго страха. Но въ цѣпи событій не бываетъ ни одного звѣна ненужнаго: иногда смѣхъ и добень, чтобы притупить горе.

Весь Симферополь смѣялся, но недолго: 12 сентября прибылъ въ городъ транспортъ съ первыми ранеными; — мы уже сами увидѣли нашу родную кровь, наши поломанныя кости; смѣшное перестало казаться смѣшнымъ, оно какъ-то коффузилось и становилось немножко обидно.

Я встрѣтилъ этотъ благородный обозъ около часу пополудни, идя къ моимъ добрымъ знакомымъ, семейству вдовы султана Крымъ-Гирея; тамъ засталъ я всю семью за усиленной противъ обыкновеннаго работой: всѣ хозяева, дѣти, гости — щипали корпию; двѣ дѣвицы торопились шить бѣлье, приготовляли бинты и компрессы. Я обѣдалъ у нихъ. Тотчасъ послѣ обѣда принялись опять за дѣло; въ десятомъ часу вечера возвращался я съ прапорщикомъ П** отъ нихъ; еще и половина раненыхъ не была размѣщена подъ крыши, большая часть лежала въ своихъ возахъ, кто со стономъ истекая кровью, кто въ спокойномъ забытьи горячки, а кто посматривалъ на проходящихъ, посвистывая «Комаринскую» или «Өеню», или покрывавая и поругивая въ полголоса безъ-толку суетящійся вдали какой-то форменный

люди: «Эхъ ма, безтоlochъ касимовская! — квартирьера бы послать имъ 36-ти фунтоваго!»

Однако скоро милосердіе подняло свой скромный и святой голось: первыя слова утѣшенія принесли страдальцамъ женщины.

На другой день, набравъ табаку и сигаръ, мы отправились навѣстить дорогихъ гостей.

(Продолженіе впереди)
